

Т.И.Артёмова, д-р экон. наук

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

С позиций ценностной методологии прослеживаются истоки глобального финансово-экономического кризиса. Преодоление системной социально-экономической дестабилизации хозяйственной жизнедеятельности конца XX – начала XXI веков автор связывает с необходимостью формирования логики Срединного пути, опирающейся на новую модель общего экономического равновесия хозяйственной системы.

Грядёт третья годовщина глобального финансово-экономического кризиса. Возникнув на кредитно-ипотечных рынках США, он охватил практически всю мировую экономику и сегодня (несмотря на поспешные официальные заявления о его завершении) продолжает демонстрировать свою разрушительную силу, прорастая метастазами энергетического, политического, долгового, продовольственного и прочих очагов, превращаясь для человечества в некое подобие хронической болезни. Проблема преодоления кризиса, утратив исходную остроту, по-прежнему остаётся актуальной темой для обсуждения в общественных кругах различного уровня: требуют пересмотра недавние авторитетные прогнозы относительно будущего мирового порядка, подгоняются механизмы страхования, уточняются перспективы роста и перекраиваются бюджеты для запуска процессов модернизации национальных экономик. Хотя определённые уроки из глобального финансового кризиса извлечены, проблема его широкой политико-экономической оценки остаётся открытой, а вместе с тем сохраняются угрозы рецидива.

В принципе, специалисты исходно отмечали, что за финансовой оболочкой кризиса скрываются более глубокие процессы системного характера¹. Особую категоричность в оценках проявил Дж.Сорос, по мнению которого, вся "глобальная финансовая система была построена на ложных предположениях. И что ещё важнее, неверные представления лежат в основе не только финансового рынка, но и всего социального устройства"². Известно, что в моменты критического напряжения жизненных сил предельно проясняются, получают истинную оценку самые глубинные, фундаментальные основания бытия. Важно поэтому в нынешней повседневной суете, связанной с попытками наверстать упущенное, не утратить того главного откровения, которое было явлено человечеству в разгар экономической стихии, ибо без адекватного диагноза случившейся

¹ См., напр.: Суэтин А. О причинах современного финансового кризиса // Вопросы экономики. – 2009. – № 1; Пахомов Ю., Пахомов С. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки // Экономист. – 2009. – № 2; Ершов М. Кризис 2008 года: "момент истины" для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопросы экономики. – 2008. – № 12.

² Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. – М., 2008. – С. 26.

болезни невозможно рассчитывать на её успешное преодоление и последующее общественное развитие в подлинно равновесной системе координат. Учитывая глубинную подоплёку механизмов дестабилизации на мировых финансовых рынках, правомерно предположить, что прояснение их природы возможно на путях методологического рассечения (анатомии) феномена социально-экономической процессуальности (турбулентности). Такой анализ с необходимостью является ценностным и направлен на опознание (рефлексию) системы общественного хозяйства как экономического блага (бытия экономического пространства-времени); посредством логического "погружения" в анналы социально-экономической памяти он позволяет вернуться к истокам хозяйственной процессуальности, а вместе с тем конструктивно овладеть её механизмами³.

Попытки такого осмысления предпринимаются в научной литературе, когда постсоветский трансформационный кризис и глобальные финансовые потрясения начала XXI века сравниваются с периодом Великой депрессии 1929–1933 годов, и это каким-то трансцендентным образом соединяет их между собой на глубинном ценностном уровне, несмотря на внешнюю количественно-качественную несхожесть – несопоставимость в координатах пространства-времени. Указанные ассоциации в форме неких тревожных ожиданий, предчувствия глобальной социально-экономической дисгармонии в мировой социологической мысли прослеживаются в течение достаточно длительного времени, в конце XX века они получают новый импульс. "Сейчас на глобальных просторах разворачивается некий универсальный процесс, имеющий смутное сходство, хотя и несколько иную природу, с выраженной неравновесностью социально-экономической среды, предшествовавшей наступлению периода острого кризиса и "великой депрессии" 30-х годов, – читаем, в частности, у А.Неклессы. – Эти ассоциации и наводят на мысль, что мир экономистический, мир Постмодерна, возможно, не имеет реальной исторической перспективы, являясь прелюдией к глобальной великой депрессии с непредсказуемым в целом результатом и высокой вероятностью "смены регистра", установления господства откровенно демодернизационных тенденций на планете"⁴. Эти тревожные размышления переключаются с рефлексией "конца истории" Ф.Фукуямы, "экопазма" О.Тоффлера, "ревущих девяностых" Дж.Стиглицца, другими научными предчувствиями.

Что касается восприятия в научной среде нынешнего феномена системной деструкции на глобальных финансовых рынках, то оно позиционируется в широком диапазоне – весьма неоднозначно и противоречиво. По мнению Дж.Сороса, американский финансовый кризис официально разразился в августе 2007 года, когда центральные банки предприняли интервенции для поддержания ликвидности банковской системы⁵; его непосредственные причины связаны с лопнувшим в конце 2000 года пузырьком интернет-компаний⁶, а исторические предпосылки уходят корнями в 1930-е и 1980-е годы, обуславливаются особенностями мышления хозяйствующих субъектов и сопряжены с формированием и движением гигантского финансового пузыря. Со времён Великой депрессии, пишет автор, регулирующие органы успешно противостояли нарастанию проблем в области международных финансов; как ни странно, но именно их успех поз-

³ О ценностной методологии экономического исследования см.: *Артёмова Т.И.* Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. – К., 2006.

⁴ *Неклесса А.И.* Эпилог истории // Восток. – 1998. – № 5. – С. 19.

⁵ *Сорос Дж.* Новая парадигма финансовых рынков. – С. 13.

⁶ Там же. – С. 15.

волил в 1980-е годы вновь развиваться рыночному фундаментализму (так называемой магии рынка). Под его влиянием финансовые органы потеряли контроль над рынками, а сверхпузырь получил мощный импульс для своего развития⁷. "Дерегулирование выпустило из бутылки Джинна Золотой лихорадки, при этом дерегулирование в банковской сфере позволило этому Джинну устремиться по неверному и опасному пути, началась гонка на разорение"⁸, – подчёркивает Дж.Стиглиц. Казалось бы, если механизмы дерегуляции столь рельефно обозначены в качестве причины финансово-экономического кризиса, должны быть очевидными пути стабилизации глобальных финансовых рынков и оздоровления социально-экономической ситуации в целом. Однако это не так. Мировой финансовый кризис, перешедший в острую фазу в середине сентября 2008 года, ожидался давно, но вместе с тем оказался довольно неожиданным⁹, отмечает, например, С.Алексашенко. "Очевидно, что сверхпузырь является достаточно сложным как для наблюдения, так и для объяснения"¹⁰, – пишет Дж.Сорос. Дж.Стиглиц говорит о двойной морали в системе американского корпоративного управления, о формировании своеобразной "культуры коррупции"¹¹. Сегодня же, после проведения ряда антикризисных и регулирующих мер, финансовая система США продолжает реанимировать архитектуру, существовавшую до Великой депрессии и допускающую возможность проводить инвестиционную и коммерческую банковскую деятельность в рамках одной компании, а значит, сохраняет источник формирования новых рисков. В контексте сказанного проблема "возвращения к истокам" хозяйственной процессуальности посредством ценностной методологии экономического анализа сохраняет актуальность.

Известно, что вступлению человечества в период глобальных кризисов и глубоких трансформаций на рубеже веков и тысячелетий предшествовало формирование "новой" экономики. Истолкование сути указанного феномена в научной литературе неоднозначно: "новую" экономику трактуют как информационную, постиндустриальную, высокотехнологичную, сервисную, экономику третьей волны, экономику постмодерна, сетевую и пр., что, на наш взгляд, свидетельствует, с одной стороны, о многомерности и противоречивом характере самого явления, с другой – о его неадекватном опознании и осмыслении глобальным сообществом. *На постсоветском научном пространстве содержание "новой" экономики преимущественно проясняется сквозь призму концепции экономики, основанной на знаниях (экономики знаний)*¹². При этом вычленяются, как правило, такие фундаментальные признаки экономики знаний, идентифицирующие её как социально-экономическую реальность:

⁷ Там же. – С. 110–113.

⁸ Стиглиц Дж.Е. Ревущие девяностые. Семена развала. – М., 2005. – С. 138–139.

⁹ Алексашенко С. Кризис – 2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 25.

¹⁰ Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. – С. 113.

¹¹ Стиглиц Дж.Е. Ревущие девяностые. Семена развала. – С. 392–399.

¹² См.: Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика. – 2010. – № 4; Янченко Е.В. Новое качество социально-трудовых отношений в экономике знаний // Креативная экономика. – 2009. – № 7; Арыстанбекова А. Экономика, основанная на знаниях // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6; Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. – М., 2007; Україна у вимірі економіки знань. – К., 2006; Економіка знань: виклики глобалізації та Україна. – К., 2004; Глухов В.В., Коробко С.Б., Маринина Т.В. Экономика знаний. – СПб, 2003 и др.

– превращение знаний как продуцента релевантной информации в решающий фактор экономического роста и источник общественного богатства;

– диффузия научно-технологических инноваций как результат эффективной коммерциализации знания посредством воплощения мыслительной (научной и образовательной) общественной деятельности в инвестиционные и потребительские товары;

– способность хозяйствующих субъектов различного уровня управлять бытием времени собственной социально-экономической жизнедеятельности в целях обеспечения конкурентных и прочих рыночных преимуществ.

Итак, массовое производство и эффективная коммерциализация знаний, креативность, диффузия инноваций, социально-экономическое ускорение, конкурентные преимущества – вот логика новой экономики как достойной преемницы идеалов эпохи Просвещения. Необходимо отметить, что концепция экономики знаний – это первый глобальный проект, получивший широкое распространение на постсоветском, хорошо возделанном научно-образовательном пространстве¹³ в условиях идейного крушения социально-экономической доктрины марксизма. Интеллектуальная элита, учащаяся молодёжь с воодушевлением восприняли указанный проект в качестве обоснования возможностей успешного преодоления последствий трансформационного кризиса и интенсивного прироста экономического благосостояния на микро- и макроуровнях хозяйствования. Так, опираясь на вывод экспертов ООН, что в экономике, основанной на знаниях, знания создаются, распространяются и используются для обеспечения хозяйственного роста и международной конкурентоспособности страны, специалисты вполне обоснованно полагают, что "при этом знания обогащают все отрасли, все сектора и всех участников экономических процессов"¹⁴; трансформирование знаний в современные производственные технологии и предметы потребления обеспечивает интенсивное технологическое развитие определённых отраслей производства и появление новых промышленных технологий¹⁵; "...концепция занавесной экономики обосновывает кардинально новый теоретический и практический вывод, что принципы политики для достижения мирового лидерства становятся необходимостью и для стран-аутсайдеров, если они не отказываются от экономического роста"¹⁶; принципиально новые возможности повышения благосостояния людей в экономике знаний обеспечиваются посредством социодинамического мультипликатора экономического роста (самовозрастания совокупного потребительского итога)¹⁷.

Сказанное выше, несомненно, справедливо. Известно, что осознание роли знаний как общественной производительной силы, начиная с эпохи Просвещения, способствовало значительной активизации социально-интеллектуальной деятельности, высвобождению потока творческой

¹³ Советский Союз, распавшись, оставил после себя высокообразованное, высокоинтеллектуальное общество. По сведениям национальной и мировой статистики, и сегодня постсоветские страны демонстрируют стабильно высокие темпы накопления интеллектуального потенциала.

¹⁴ *Арыстанбекова А.* Экономика, основанная на знаниях. – С. 30.

¹⁵ *Інноваційний розвиток економіки: модель, система, управління, державна політика.* – К., 2005. – С. 29.

¹⁶ *Бажал Ю.М.* Знаннева економіка: слово та діло // Монітор конкурентоспроможності. – 2008. – № 1–2. – С. 67.

¹⁷ См.: *Грінберг Р.* Держава в економіці знань // Економіка України. – 2008. – № 10. – С. 32.

энергии и позволило со временем построить богатое и технически развитое общество, которое ныне идентифицируется как своеобразный клуб "золотого миллиарда". Революционные изменения в информационных технологиях, начавшиеся в развитых странах во второй половине XX века, обусловили инновационный бум в других отраслях, что и послужило основанием для формирования идеологами этих стран глобального концепта экономики, базирующейся (возвышающейся, буквально, возведённой) на фундаменте знаний (knowledge based economy). Как разъясняют специалисты, ядром знаниевой экономики выступают не характеристики функционирования отдельных отраслей, связанных с производством знаний в разнообразных проявлениях, а конечный синергетический результат – коммерциализация знаний для обеспечения устойчивого экономического развития. Однако знания при таком подходе не просто коммерциализируются, трансформируясь в деньги и товары, но в конечном итоге буквально утилизируются и экскрементируются. И при этом речь идёт о знании как продукте образовательной и научной деятельности общества, о знании как продукте разума человека.

Может быть, в экономике знаний лишь рассудок, здравый смысл, так называемое рациональное знание подчинено извлечению коммерческой выгоды, накоплению экономического богатства, а разум как высшее начало понимания, мироосмысления продуцирует умозрительное знание, раскрывающееся через "общее", "первопричину" и детерминирующее рациональное знание посредством более широкого целеполагания человеческой деятельности? Нет, это не так. "Система науки традиционно рассматривалась как первичный производитель новых знаний, в большинстве своём через фундаментальные исследования в университетах и государственных лабораториях, – пишет А.Арыстанбекова. – Эти знания отделялись от результатов прикладных или коммерческих исследований, обеспечивающих "технологии". В экономике, основанной на знаниях, грань между фундаментальными и прикладными исследованиями, между наукой и технологиями становится всё более зыбкой"¹⁸. При таком подходе целостная картина мироустройства¹⁹ значительно искажается; научное восприятие мира становится мозаичным, призрачным, нестойким, зависимым от сиюминутных интересов, предвзятого мнения.

Дж.Сорос проясняет указанную тенденцию на примере экономического поведения участников финансовых рынков. Наше понимание мира несовершенно, потому что мы являемся частью того, что пытаемся понять, – говорит он. При этом "понимание мира" для рыночных субъектов, по мнению автора, тождественно "пониманию рыночной ситуации". "Понимание ситуации и участие в ней предполагает наличие двух функций": с одной стороны, люди пытаются познать мир, в котором живут (когнитивная функция), с другой – они стараются повлиять на мир и изменить его в свою пользу (манипулятивная функция). Если бы эти две функции были отделены одна от другой, то могли бы идеально исполнять свою роль: понимание участников приводило бы к накоплению информации, а их действия – к желаемым результатам. И подобная гипотеза уже возникла – например, в экономической теории, однако это предположение неоправданно, так как обе функции действуют одновременно и могут

¹⁸ Арыстанбекова А. Экономика, основанная на знаниях. – С. 31.

¹⁹ Указанная картина как явление ноосферы, кстати, до сих пор не создана, и не в силу недостаточной научной потенции общественной мысли, но по причине отсутствия общепризнанного идейного лидера, способного объединить научное общество и осветить ему истинные пути создания такой картины.

влиять друг на друга. Так, для того чтобы когнитивная функция была способна создать знание, она должна рассматривать социальные явления как данность – только тогда явление будет считаться фактом, относительно которого можно высказывать какие-то замечания. Точно так же для того, чтобы достигать желаемых результатов, мы должны основывать свои решения на знаниях. Однако в случае, когда обе функции действуют одновременно (рефлексивно), явление включает в себя не только факты из настоящего и прошлого, но и намерения и ожидания. На основании вышеуказанных размышлений автор выступает с резкой критикой в адрес не только "экономики знаний", но методологии мейнстрима в целом, утверждая, что "теория рациональных ожиданий даёт полностью неверную картину действия финансовых рынков"²⁰.

Несомненно, в рассуждениях Дж.Сороса есть доля истины. Волна финансовых катастроф конца XX столетия, отмечает, в частности, Л.Мясникова, стала результатом соответствующей цепной реакции фондовых рынков на действия "клонированных" брокеров, которые были встроены в механизмы однотипных технологий и пользовались одинаковыми компьютерными "подсказками"²¹. В этом смысле можно усомниться в правомерности использования постулатов теории рациональных ожиданий в практике регулирования финансовых рынков. Что же касается проблемы соотношения "когнитивной и манипулятивной" функций современного экономического мышления, то здесь взгляды Дж.Сороса не только не противоречат официальной западной парадигме экономического знания, но вытекают из неё. Действительно, *современная теория неоклассического синтеза как методология мейнстрима*²² позиционирует себя не столько в качестве источника общего, позитивного знания, способного обеспечить осмысление миробытия и мироустройства как единого целого, а скорее как некую идеальную ремесленную мастерскую мира – кладёшь подручных инструментов для формирования, отладки и ремонта всевозможных рыночных механизмов и эффективного управления конкретными экономическими "операциями", "ситуациями" и процессами.

Специалисты отмечают, что со второй половины XX века западная экономическая мысль отказалась от поисков первоосновы явлений, от выведения из одного или немногих "фундаментальных" понятий пирамиды сложных систем, претендующих на моделирование реальности. Произошло это по тем причинам, что ценностные концепции, образующие мейнстрим, отличаются узкометодологической направленностью, в силу чего вступают в противоречие не только друг с другом, но и с реальными хозяйственными тенденциями, и таким опытным путём убеждают субъектов экономического знания в непродуктивности поисков постоянных, вечных связей и законов²³. "Отсюда – кардинальный поворот экономической науки от теоретического "выведения" систем из первичных элементов к противоположной задаче – конструированию систем, максимально приближенных к реальности, поворот к определению природы и роли отдельного элемента системы исходя из ... совокупности функциональных

²⁰ Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. – С. 28–31.

²¹ Мясникова Л. Смена парадигмы. Новый глобальный проект // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 6. – С. 6.

²² В новой экономике общетеоретическое русло мейнстрим в форме экономического империализма претендует на роль лидера в объяснении и преобразовании устоев глобальной системы общественного хозяйства.

²³ См.: Ольсевич Ю.Я. Послевоенная мысль Запада: ключ к пониманию // Всемирная история экономической мысли: В 6-и т. – Т. 5. – М., 1994. – С. 509–510.

связей и характера остальных элементов"²⁴. В современных же условиях, когда политико-экономическая конструкция марксизма формально утратила своё влияние в обществе, в западной экономической науке всё более отчётливо обнаруживается тенденция выведения общих теорий из осмысления конкретных жизненных и хозяйственных ситуаций.

Так, Нобелевская премия по экономике за 2007 год вручена Л.Гурвицу, Р.Майерсону, Э.Маскину за "основополагающий вклад в теорию экономических механизмов"; авторы при этом начинали свои исследования с практического вопроса: как должна быть организована плановая экономика, чтобы информация, необходимая для её эффективного функционирования, использовалась оптимальным образом²⁵? Выросшая из прикладного раздела экономической науки, концепция экономических механизмов успешно прошла практическую апробацию в процессе организации аукционов на радиоспектр и схем эффективного распределения донорских органов и тем заслужила право на статус методологической теории (!): "...сейчас на ней базируется вся современная микроэкономика – невозможно представить себе содержательный курс этого предмета, который не использовал бы соображений совместимости равновесного поведения субъектов со стимулами", – пишут С.Измалков, К.Сонин и М.Юдкевич, одновременно выказывая неведение относительно того, "надолго ли детище Гурвица, Майерсона и Маскина удержится на передовом фронте экономической науки"²⁶.

И такое положение вещей в экономической науке становится не исключением, а правилом: *продукт образовательной и научной деятельности подвергается диагностике на предмет его утилизации, возможности выгодного употребления, а в случае, если выгода оказывается приемлемой, его активно продвигают в статус модной теории и даже парадигмы*. В этом смысле идеи Дж.Сороса также не выходят за пределы традиционного понимания экономики знаний, а название одной из его книг – "Парадигма финансовых рынков" – наводит на мысль о независимом существовании "парадигм" всех иных рынков (продовольствия, недвижимости, ресурсов и пр.) и их сегментов, причём каждая из таких парадигм в равной степени может претендовать и на объяснение законов "социального устройства" в целом. О том, что указанное предположение не лишено оснований, свидетельствует беспрецедентная самоуверенность современных продуцентов экономического знания: на основании "условия монотонности", адаптированного к теории игр, они подвергают сомнению мудрость библейского царя Соломона²⁷, сущность "дилеммы абсурдных выводов" проясняют, моделируя поведение Адама и Евы в Райском саду²⁸. Что уж говорить о рекомендациях и решениях по управлению конкретными рынками и жизнеустройством отдельных стран и народов!

Самонадеянность субъектов экономического знания неслучайна, она является формой рефлексии общеметодологического ядра официальной западной экономической науки, как бы пребывающей в состоянии высшего просветления, "нирваны". Об этом давно говорят и зарубежные, и отече-

²⁴ Там же. – С. 510.

²⁵ См.: Измалков С., Сонин К., Юдкевич М. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г.) // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 4.

²⁶ Там же. – С. 26.

²⁷ Там же. – С. 19–20.

²⁸ Рубинштейн Ар. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 63–68.

ственные учёные²⁹. Господствующая экономическая наука (the mainstream economics) считает глубокую критику капиталистической экономики некоей разновидностью политического радикализма, пишет Я.Корнаи. И даже когда признаётся очевидное существование проблем, наука утверждает, что их вполне можно решить, если применить соответствующие и рекомендованные теорией меры; возможность "врождённых" дефектов системы даже не обсуждается³⁰. В подтверждение сказанному обратимся к одному из солидных сборников, вышедшему в свет в начале 1990-х годов, где в форме очерков, написанных ведущими учёными Запада, сделана попытка подвести итоги и охватить важнейшие направления развития экономической теории на рубеже веков³¹. Здесь разделы, посвящённые методологическим обзорам, зачастую выглядят как некие магические тексты, напыщенные и непонятные. Внимательно присмотревшись, приходишь к выводу, что их главными целями являются оправдание всё того же частного интереса и защита сложившегося миропорядка. "Экономическую теорию середины 1960-х годов часто характеризуют термином "неоклассический синтез". На сегодняшний день это выражение приобрело несколько уничижительный характер, поскольку представляется, что речь идёт о плохо продуманном сочетании неоклассической микроэкономики и кейнсианской макроэкономики", – пишет, в частности, М.Блини. – В конце 1960-х годов "неоклассический синтез" начал давать трещины; как и в период 1929–1933-х, скрытая до поры пустота в экономической теории обнажилась под влиянием исторических событий. Ортодоксальные экономисты утратили уверенность в себе, тогда как представители различных альтернативных направлений экономической теории стали активно предлагать свои варианты ответов на наболевшие вопросы. Оглядываясь назад, однако, понимаешь, что это было сугубо временной фазой; "...смягчив некоторые наименее реалистические предпосылки, такие как доступность полной информации, ортодоксальная теория смогла защитить и обогатить базовый принцип неоклассической традиции, согласно которому экономическим агентам является собственный интерес... В результате периода растерянности и дезориентации сменился временем значительного прогресса, устранившего слабости существующей теории и преодолевшего, казалось бы, непреодолимую пропасть между микро- и макроэкономикой"³².

Непосвящённому читателю трудно понять, о чём, собственно, говорит автор. Между тем, речь идёт о жарком "споре двух Кембриджей" по проблемам капитала и распределения, потрясшем основания западной экономической науки в 1960–1970-е годы. М.Блини и другие авторы говорят об этой дискуссии эзоповым языком, обходя её суть и имена главных действующих лиц. Дискуссия ушла в прошлое, следы её затерялись, ортодоксальная теория неоклассического синтеза вышла из неё победителем, проявив высокий уровень "приспособляемости" и "изобретательности"³³. Казалось бы, к чему ворошить прошлое? Однако действительность вновь, как и в период 1929–1933 годов, обнажает духовную "пустоту" экономической теории,

²⁹ См.: Олейник А. Российская экономическая наука: история значима (об учебнике "Экономикс" под редакцией А.Архипова, А.Нестеренко, А.Большакова) // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 152 и др.

³⁰ См.: Тауш А. "Разрушительное созидание"? (Рассуждения в духе Шумпетера о некоторых трендах и Лиссабонском процессе в Европе) // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 10. – С. 34.

³¹ Панорама экономической мысли конца XX столетия: В 2-х т. – СПб, 2002.

³² Там же. – Т. 1. – С. 173–176.

³³ Там же. – С. 176.

заставляет говорить о ложности её исходных методологических предпосылок, о том, что *частный интерес и практическая выгода не могут служить надёжным основанием для общественного блага, а теоретические принципы, выросшие из практической необходимости и успешно апробированные для разрешения конкретных житейских ситуаций, не могут быть взяты за основу общей методологии науки.* В этом смысле экономическая теория, инициативно примеряющая на себя роль идейного лидера человечества в эпоху глобальных трансформаций, на деле оказывается нерадивой ученицей, не овладевшей основными канонами классической философии.

Действительно, чувство удовольствия, переживание счастья, по И.Канту, являются критериями хорошей жизни для каждого человека как природного существа. Соответственно, принцип счастья всецело отвечает природному "закону причинности", как соответствуют ему и те гипотетические императивы ("материальные принципы"), которые продуцируются практическим разумом (рассудком) с целью реализации указанного принципа. "Быть счастливым – это необходимое желание каждого разумного, но конечного существа и, следовательно, неизбежно определяющее основание его способности желания"³⁴, – пишет И.Кант. Жить в соответствии с принципом счастья – значит жить в соответствии с природой, но, согласно Канту, жить в соответствии с природой – не значит жить разумно, следовательно, человек и другие разумные существа могут и должны жить не по принципу себялюбия и личного счастья, а следуя практическим законам, которые разум формулирует в виде категорических императивов.

Сравнивая гипотетические императивы с категорическими, Кант пишет, что принципы себялюбия могут заключать в себе общие правила умения находить средства для реализации конкретных целей и в этом смысле являются определёнными теоретическими принципами, постулирующими, например, закон, гласящий, что тот, кто хочет есть хлеб, должен выдумать мельницу. Но практические предписания, которые на них основываются, никогда не могут быть общими, ведь определяющее основание способности желания покоится на чувстве удовольствия и неудовольствия, которое никогда нельзя считать направленным вообще на одни и те же предметы³⁵. "Эмпирические принципы вообще непригодны к тому, чтобы основывать на них моральные законы, – пишет И.Кант. – В самом деле, всеобщность, с которой они должны иметь силу для всех разумных существ без различия, безусловная практическая необходимость, которая тем самым приписывается им, отпадают, если основание их берётся из *особого устройства человеческой природы* или из случайных обстоятельств, в которые она поставлена"³⁶.

Исходя из вышесказанного, выходит, что *частный интерес сам по себе аморален, попытка же построения на его основе общенаучной методологии одновременно означает возведение в ранг всеобщего закона нигилистического отношения ко всяким нравственным принципам.* Так как экономическая теория в форме экономического империализма методологически охватывает сейчас все сферы общественной деятельности, то защита "базового принципа неоклассической традиции, согласно которому мотивом экономических агентов является собственный интерес", по сути, есть растление общества и всех его экономических субъектов. Выходит, что *проблемы дезорганизации финансовых рынков, начало ко-*

³⁴ Кант И. Критика практического разума. – СПб, 1995. – С. 141.

³⁵ Там же. – С. 142.

³⁶ Там же. – С. 101.

торым положили события 2007–2008 годов, равно как и все предыдущие социально-экономические потрясения Западного мира, включая Великую депрессию 1929–1933 годов, обусловлены особенностями методологии официальной маржинальной экономической теории, а именно: возведением эмпирических принципов в ранг морального закона и тем пренебрежением "безусловного повеления нравственного долга", по И.Канту, – пренебрежением причинности, связанной со свободой, в угоду природной причинности. То есть кризисные явления реальной хозяйственной жизни являются порождением кризиса методологии экономической науки.

Действительно, начиная с 1930-х годов в западной экономической литературе периодически появляются публикации о методологическом кризисе официальной науки, наиболее же острые методологические дискуссии наблюдались здесь в 1930–1940-е и 1960–1970-е годы. Первая связана с полемикой между Дж.Кейнсом и представителями неоклассической школы относительно взаимосвязи микро- и макроэкономического уровней анализа, которая завершилась формированием конструкции неоклассического синтеза. В этот период восторжествовавший в экономической науке методологический индивидуализм был детерминирован кейнсианской идеей государственного регулирования экономических отношений, что позволило на практике обуздать социально-экономическую стихию, зародившуюся на фондовых рынках и переросшую в Великую депрессию, а также заложить основы социального рыночного хозяйства. Идея государственного регулирования национальной экономики вызрела и получила реальное воплощение на Западе во второй половине XX века не без влияния марксизма и опыта социалистического строительства в СССР, однако идеологическое противостояние двух мировых хозяйственных систем не позволяло говорить об этом открыто. Поэтому, взявшись за реализацию в развитых странах капиталистического мира модели социального рыночного хозяйства посредством политики "нового курса", влиятельные представители западной (прежде всего, американской³⁷) научной элиты сформировали "либеральный фасад" – официальное лицо экономической науки, включив "общую теорию" Дж.Кейнса (при его молчаливом согласии³⁸) в конструкцию неоклассического синтеза на правах частного случая макроэкономического равновесия в условиях неполной занятости ресурсов.

В конце 1960-х годов указанная модель, однако, остро выявила свою методологическую несостоятельность в связи с оживлением инфляционных процессов и активизацией социальных требований со стороны наёмных работников. Затухшая было дискуссия разгорелась с новой силой. Официально она велась вокруг кривой Филлипса, её "истинной" и "видимой" конфигурации, в более широком контексте – касалась проблем содержательного наполнения важнейших экономических понятий и механизмов реального функционирования капитала и распределительных отношений, в то время как её глобальный (общечеловеческий) смысл

³⁷ Политика "нового курса" Ф.Рузвельта (а вместе с тем и официально сопровождающая её методологически либеральная экономическая доктрина капитализма), "национальная" по происхождению, стала глобальной по сути в силу того, что "в течение 1940-х годов мировой центр экономической науки и экономического профессионального сообщества решительно и окончательно переместился из Европы, и в частности из Великобритании, в Соединенные Штаты". См.: Коутс А.У. Экономист как профессия // Панорама экономической мысли конца XX столетия. – С. 157.

³⁸ См.: Современная экономическая мысль. – М., 1981. – С.117.

обусловливался необходимостью преодоления несоответствия между объективным содержанием законов общего экономического равновесия хозяйственной системы, выявленным в трудах экономистов-классиков (А.Смита, Д.Рикардо, А.Маршалла, Дж.Кейнса и др. как представителей логики Срединного пути³⁹), и механизмами их реального моделирования с позиций "эмпирических" принципов. Напряжённый диалог "двух Кембриджей" развернулся на фоне "холодной войны" между соперничающими моделями мирохозяйственного устройства. В этих условиях официальная западная наука сделала всё возможное, чтобы как можно быстрее преодолеть идейные споры, затушевать их истинные причины и последствия. Однако инициаторы и активные участники дискуссий оказались несговорчивыми, они восприняли свою научную позицию как веление нравственного долга и понесли за это суровое наказание.

Современные влиятельные экономисты говорят о невнимании теории неоклассического синтеза к проблемам социальной справедливости и распределения⁴⁰, стараясь не упоминать о работах в этой области Дж.Робинсон, П.Сраффы, М.Калецкого, Н.Калдора (либо, упоминая, затемняя их значение⁴¹). Но если теоретическое наследие Дж.Робинсон в значительной мере ассимилировано в мейнстрим и учебные курсы экономикс, несмотря на личную драматическую судьбу учёного⁴², то содержание других концепций, в частности П.Сраффы, в экономической науке и поныне обнесено стеной неприятия⁴³. Между тем, идейный кризис капитализма, равно как и явления социально-экономической дестабилизации на реальных рынках в 1960-х – 1970-х годах, был преодолен преимущественно под влиянием трудов П.Сраффы и Дж.Робинсон, которые актуализировали для западной экономической мысли теоретическое наследие К.Маркса (а опосредованно – А.Смита и Д.Рикардо) в области разрешения так называемой проблемы трансформации (исторической модификации) отношений стоимости в цену производства. В этом смысле известна работа Я.Стидмэна "Маркс после Сраффы"; кроме того, как пишет Ю.Ольсевич, "в открытой форме влияние марксизма показала исключительно представительная конференция в США в 1967 г., посвящённая 100-летию "Капитала", где ведущими участниками были П.Самуэльсон, Е.Домар и другие известные теоретики. Если до войны основная реакция на труды Маркса состояла в их тотальном конфронтационном неприятии, "отбрасывании", то в послевоенный период западная мысль стремится впитать и переработать всё практически приемлемое из Марксова наследия"⁴⁴.

³⁹ См. об этом: Артёмова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования.

⁴⁰ См., напр.: Блيني М., Стюарт И. Экономическая наука и родственные дисциплины // Панорама экономической мысли конца XX столетия. – С. 892–893.

⁴¹ Коэн А., Харкерт Дж. Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала // Вопросы экономики. – 2009. – № 8 и др.

⁴² Тот, кто считает всех экономистов скучными людьми, никогда не встречался с Дж.Робинсон, которая в 1930-е годы, в одно время с Э.Чемберлином разработала теорию несовершенной конкуренции, – пишут П.Самуэльсон и В.Нордхаус. – Робинсон приняла участие в жаркой дискуссии выдающихся американских экономистов о сущности капитала и жизнеспособности капитализма. Некоторые считают, что она заплатила слишком высокую профессиональную цену за своё иконоборчество – Комитет по нобелевским премиям так и оставил без внимания её выдающийся вклад в развитие экономической науки. См.: Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. – М., 2000. – С. 193.

⁴³ Бодриков М. Критика неорикарданской теории стоимости и распределения // Вопросы экономики. – 2007. – № 5 и др.

⁴⁴ Ольсевич Ю. Я. Послевоенная мысль Запада: ключ к пониманию. – Т. 5. – С. 514.

В 1980-е годы развитые страны мира вышли на траекторию устойчивого развития и стали инициаторами информационной революции в технологиях, что придало уверенности в собственных силах представителям ортодоксальной неоклассики. "Непосредственным результатом кризиса было возрождение экономической теории, она смогла триумфально вернуться, введя в модель ценовые ожидания, – пишет в этой связи М.Блини. – Период растерянности и дезориентации сменился временем значительного прогресса"⁴⁵. Однако *оптимизм сторонников экономической ортодоксии уже на момент написания "Панорамы" нельзя назвать искренним в силу их логической непоследовательности*. "То, что возникает, видимо, можно обозначить термином "некейнсианский синтез", в котором имеет место гораздо более тесная связь между микро- и макроэкономикой, чем когда-либо со времён кейнсианской революции"⁴⁶, – отмечает М.Блини. И это притом, что кейнсианская теория, "вмонтированная" в конструкцию неоклассического синтеза, до сих пор остаётся невосприимчивой к формированию ожиданий (о чём, собственно, на протяжении многих лет пишет Дж.Сорос, и не только он), а в микроэкономике предполагается, что "...фирмы максимизируют прибыль, а домохозяйства – полезность, и так и не были приняты во внимание количественные ограничения, которые, как предполагал Кейнс, могут быть важным фактором их поведения"⁴⁷. Одной из особенностей современной экономической теории за последнее десятилетие было ослабление дискуссий и постепенное восстановление некоего консенсуса⁴⁸, – читаем далее, и это притом, что П.Самуэльсон и В.Нордхаус в своём классическом учебнике выделяют целую главу – "Враждующие школы в макроэкономике"⁴⁹.

Авторы "Панорамы" указывают на закат не сумевшей проявить идеологическую гибкость советской модели, "...и, по всей видимости, полное принятие рыночных реформ экономистами Восточной Европы и Советского Союза, не говоря уже об экономистах Китая, Вьетнама и растущего числа развивающихся стран"⁵⁰. Вместе с тем *рыночное реформирование хозяйственных систем традиционного социализма по рекомендациям Вашингтонского консенсуса, составленных на основании методологии "неоклассического синтеза", явилось одной из причин их глубокого трансформационного кризиса, невиданного для мирного времени; его последствия в постсоветских странах не преодолены до сих пор*⁵¹. Наиболее же успешные преобразования смогли осуществить те государства (как, например, Польша и Китай), которые руководствовались альтернативными Вашингтонскому консенсусу стратегиями реформ⁵². Глубина и размах социально-экономических разрушений в странах с переходной экономикой обнажили полную несостоятельность методологического ядра ортодоксальной неоклассической доктрины, что побудило некоторых западных экономистов говорить о необходимости кардинального пересмотра

⁴⁵ Блини М. Обор современной теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия. – Т. 1. – С. 176.

⁴⁶ Там же. – С. 178.

⁴⁷ Там же. – С. 175.

⁴⁸ См.: Там же. – С. 173.

⁴⁹ Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. – М., 2000. – С. 638–658.

⁵⁰ Блини М. Обзор современной теории. – С. 174.

⁵¹ Объём ВВП Украины, например, в 2007 году, по данным Госкомстата, составил 72,6% от уровня 1990 года.

⁵² См.: Ольсевич Ю.Я. Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. – М., 2007. – С. 67–68.

содержания всех современных экономических теорий⁵³. Однако официальная неоклассика вновь продемонстрировала "гибкость и изобретательность" (по М.Блини) в борьбе с идеологическим "инакомыслием", умело используя мораль двойных методологических стандартов (аналогичную той, что существовала в СССР, – для общего и служебного пользования). Так, начиная с 1930-х годов и особенно после дискуссий 1960–1970-х, исследовательские программы, касающиеся проблем стоимости, социальной защиты, капитала, распределения, процента, эффективного спроса, в западной науке постепенно стали прерогативой узкого круга специалистов.

Руководствуясь собственными критериями нравственного здоровья и благополучия, официальная экономическая наука пытается освободить общественное сознание от бремени "неудобных" воспоминаний и мучительных сомнений, формируя оптимистичный взгляд на мир, который при ближайшем рассмотрении оказывается разновидностью нравственного уродства – малоумия, то есть олигофрении. Не секрет, что в учебных курсах экономикс давно утратила актуальность теория стоимости, "снят" или отодвинут на второй план вопрос об источниках прибыли и процента: не акцентируется внимание на взаимосвязи предельной производительности капитала с процентом, сглаживаются "острые углы" полемики ведущих западных экономистов вокруг ссудного процента; основное же внимание сосредоточивается на процессах функционального характера, касающихся, например, воздействия ставки процента на инвестиции, условиях дисконтирования доходов рыночных субъектов и пр.⁵⁴ После финансовых потрясений конца 1990-х – начала 2000-х годов к числу "интеллектуальных табу" добавились проблемы корпоративного управления, денег и денежного обращения. И это называется прогрессом экономической науки и преодолением кризиса 1970-х годов! Даже само понятие информации в мейнстриме если и не игнорируется вовсе, то оттеснено на периферию. "В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание базовые гипотезы неоклассической теории"⁵⁵, – отмечает Ж.Сапир.

Между тем, *изъяны методологического ядра конструкции неоклассического синтеза* (статический характер исследования, актуализация частнособственных мотивов хозяйственной деятельности, эффекты методологической "близорукости" и "дальнорукости" – когда единичное и особенное позиционируются как общее и на оборот, и т. п.) *не являются частным делом западной науки* и не относятся к сфере сугубо умозрительного характера: через учебные курсы и посредством формирования принципов экономической политики они непрерывно имплицитно в реальную хозяйственную среду, воспроизводятся в поведении экономических субъектов. Апофеозом превознесения частного интереса, игнорирования уроков методологических дискуссий в экономической науке, поверхностного анализа причин крушения социально-экономической модели ортодоксального марксизма стали не только просчёты в рыночном реформировании стран бывшего социализма, но и утрата ориентиров устойчивого развития самими капиталистическими странами при развёртывании процессов либерализации экономических отношений, закономерно начавшихся в 1980-е годы и стремительно переросших в "ревушие

⁵³ См.: Буайе Р. Предисловие к русскому изданию // Буайе Р. Теория регуляции: критический анализ. – М., 1997. – С. 31 и др.

⁵⁴ См.: История экономических учений (современный этап). – М., 1999. – С. 377–378.

⁵⁵ Сапир Ж. Экономика информации: новая парадигма и её границы // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С. 4.

девяностые" (по Дж.Стиглицу) в ходе реализации идей "новой" экономики как общества непрерывных инноваций и сверхскоростей.

Конструкт "новой" экономики возник на стыке теории катастроф, синергетики, информационной теории стоимости, но концептуально оформился при молчаливом согласии доктрины неоклассического синтеза. Так, к началу 2000-х годов в США официально "новой" признавалась экономика, характеризующаяся "...необычайными изменениями и приростом в экономических показателях, включая быстрый рост производительности труда, повышение доходов, низкий уровень безработицы и умеренную инфляцию, которые являются следствием комбинации усиливающих друг друга достижений научно-технического прогресса, методов ведения бизнеса и совершенствования экономической политики"⁵⁶. Адепты информационной теории стоимости формулировали правила сетевой экономики, основанной на креативном мышлении: "...в природе нет и не может быть баланса и равновесия; эволюция – это постоянное разрушение и созидание, замена одних видов другими, адаптация и взаимопревращение. То же самое будет происходить и в Сети: мгновенное рождение и гибель компаний; карьеры, плавно переходящие в увольнения; нечётко определённые группировки с непостоянным числом участников". Сети турбулентны и непредсказуемы, сетевая экономика функционирует на грани хаоса и разрушения, следуя заветам "Интернационала"; сомневаетесь – включайте "маслобойку", рушьте всё и перемешивайте, вполне возможно, что выйдет неплохое масло...⁵⁷

Правила "новой" экономики легли на благодатную методологическую почву экономического индивидуализма, в течение многих десятилетий культивируемую официальной неоклассической ортодоксией. Специалисты отмечают, что информационные технологии позволяют денежному капиталу стать виртуальным, совершать кругооборот по быстрым спекулятивным схемам в автономном режиме, независимо от производственных ресурсов⁵⁸, и само название книги Б.Гейтса – "Бизнес со скоростью мысли" – как нельзя лучше иллюстрирует содержание этого феномена. Новый подход к бизнесу, по мнению В.Васильева и Е.Роговского, состоял в том, чтобы изобрести некий инновационный проект, привлечь к нему потенциальных инвесторов обещанием высокой прибыльности и отладить механизмы получения "быстрых денег" посредством многократной эмиссии акций с постоянно растущим курсом. Вместо заработной платы менеджеры венчурных ("наукоёмких") фирм получали пакеты акций и опционов (что, кстати, в корне противоречит исходным принципам их профессиональной этики. – Т.А.), и это "мгновенно" делало их миллионерами, быстрые же деньги расходовались преимущественно на статусное потребление⁵⁹.

При попустительстве системы менеджмента всех уровней жажда быстрого обогащения овладела широкими массами населения. Первый шаг в направлении резкого расширения масштабов финансовых спекуляций был сделан Ч.Меррилом, который организовал розничную торговлю акциями, то есть вывел её за рамки элитных инвесторов Уолл-стрит, – пишут В.Васильев и Е.Роговский. – С середины 1990-х годов рядовых амери-

⁵⁶ Economic Report of the President 2001. – Washington, 2001. – P. 19.

⁵⁷ Семёнов А. Новые правила для новой экономики. Дайджест статьи Кевина Келли из журнала "Wired" // Знание – сила. – 1998. – № 4. – С. 27–28.

⁵⁸ См.: Спичкин В.А. Политэкономия электронных скоростей // США–Канада: ЭПК. – 2006. – № 11. – С. 93.

⁵⁹ См.: Васильев В.С., Роговский Е.А. Грядущая финансовая турбулентность // США–Канада: ЭПК. – 2008. – № 3. – С. 5.

канцев охватил настоящий ажиотаж, многие из них бросились инвестировать в наукоёмкие технологии, а печать была полна сообщениями о том, что люди покидали традиционные рабочие места и становились биржевыми трейдерами, нередко работая дома за персональными компьютерами⁶⁰. Лозунг "Наращивай капитализацию или уходи из бизнеса" стал девизом второй половины 1990-х годов. А если принять во внимание, что субъектами бизнеса в условиях рыночной экономики, помимо собственно предпринимателей-инвесторов, являются и государство, и потребители, и наёмные работники, то *проблема наращивания капитализации стала объектом пристального внимания практически всех слоёв населения*; об этом свидетельствует факт широкого распространения популярных учебных пособий, раскрывающих тайны успешной капитализации и превращения богатства в рыночные активы для всех желающих, включая школьников⁶¹.

Глобальному оживлению инстинктов обогащения не воспрепятствовали зловещие предзнаменования – крах банка "Беррингз" в середине 1990-х годов, последующее разорение крупнейших американских компаний "Энрон" и "УорлдКом", "взрыв" спекулятивного пузыря на рынке информационно-коммуникационных технологий, когда стоимость акционерного капитала уменьшилась более чем на 5 трлн долл., а из числа вновь созданных венчурных компаний выжило не более половины⁶². После неудач на рынках информационно-коммуникационных технологий финансовые спекуляции переместились в сферу ипотечного кредитования; "для разочарованных фондовых инвесторов бальзамом стали огромные поместья. В данный момент единственным увлечением, равным играм в недвижимость, является национальная привычка играть в покер"⁶³, – писал задолго до финансовой депрессии 2008 года видный американский экономист Р.Шиллер.

Почему же никто не внял его словам, равно как и словам Дж.Стиглица, Дж.Сороса, многих других зарубежных и отечественных известных экономистов? Потому что общую модель хозяйственного развития, равно как и основные принципы экономической политики в развитых странах, сегодня методологически формируют не взгляды и концепции указанных авторов, а официальная доктрина неоклассического синтеза, которая в условиях идейного крушения марксизма всё более распространяет своё влияние не только в постсоветской и постсоциалистической интеллектуальной среде, но практически во всём мире. Именно её методологическая несостоятельность и идейная пустота в очередной раз обнажились на глобальном уровне; доктрина же "новой" экономики с сердцевинной в форме экономики знаний (когда знание рассматривается как разновидность "интеллектуальной технологии", а способность мышления отождествляется с креативностью) лишь довела до логического завершения исходный принцип методологического индивидуализма, на практике показав всю его разрушительную силу.

Несомненно, *официальная неоклассическая доктрина и сегодня располагает достаточным научным потенциалом* как для защиты собственного методологического ядра, так и для подавления стихии финансовых рынков; здесь "радужные перспективы прогресса" связываются, прежде всего, с разработкой управленческих механизмов на базе нового

⁶⁰ См.: Там же. – С. 4–5.

⁶¹ См.: Сото Э. де. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире. – М., 2001; Хилл Н. Думай и богатей. – Минск, 2007; Кийосаки Р., Лектер Г. Богатый папа, бедный папа. – Минск, 2008 и др.

⁶² Васильев В.С., Роговский Е.А. Грядущая финансовая турбулентность. – С. 5.

⁶³ Цит. по: Там же. – С. 6.

класса макроэкономических моделей⁶⁴. Однако непреложным фактом остаётся и то, что восстановление пошатнувшегося экономического равновесия на старой методологической основе означает восстановление прежнего аморального миропорядка, чреватого новыми глобальными потрясениями. Между тем, в недрах экономической науки как логики Среднего пути ещё в 1960-е годы, в частности трудами П.Сраффы, были предвосхищены и в общих чертах обозначены контуры принципиально новой модели общего экономического равновесия хозяйственной системы⁶⁵. В ходе методологических дискуссий 1960–1970-х годов общенаучная (а вместе с тем общечеловеческая) составляющая сраффианского наследия подверглась игнорированию, а в дальнейшем – замалчиванию со стороны официальной неоклассики. Вследствие идеологического табу (аналогичного тому, которое в советское время было наложено на исследование проблемы так называемого противоречия между I и III томами "Капитала" К.Маркса) указанное наследие не получило адекватной научной оценки и полноценного развития⁶⁶, и это значительно ослабляет методологический потенциал экономической теории в условиях глобальных трансформационных сдвигов современности.

Но кто может судить неоклассическую ортодоксию? В своё время её, например, активно обличали представители ортодоксального марксизма, сегодня марксистские традиции в экономической науке возрождаются и их сторонники (в том числе на постсоветском научном пространстве) вновь выступают с критикой маргинальной доктрины экономикс. На первый взгляд такая критика правомерна. Как говорилось ранее, традиционная неоклассика в тяжёлые времена неоднократно обращалась (не афишируя своих устремлений) к марксистскому теоретическому наследию и отчасти ассимилировала его, умело манипулируя собственным "методологическим ядром" и его "защитной оболочкой", что позволяло ей не отступать от исходных аксиоматических принципов и сохранять идейный фасад общей конструкции неоклассического синтеза. Вот и сейчас под влиянием финансового кризиса и последующей экономической рецессии на Западе наблюдается очередная всплеск общественного интереса к теории К.Маркса⁶⁷. Известно также, что в СССР (который идейно опирался на социально-экономическую доктрину ортодоксального марксизма) государство активно поддерживало фундаментальные научные разработки, расценивая, таким образом, результаты научной и образовательной деятельности как общенародное благо, а не объект коммерческого интереса и инновационных спекуляций. Однако само по себе разграничение продуктов научной деятельности на фундаментальные и прикладные не является критерием их отнесения к частному либо общественному благу. Кроме того, узкоприкладной характер использования знания в СССР проявил себя, пожалуй, не в меньшей мере, чем в "новой" экономике.

Со времён социализма широко известен тезис о науке как главной производительной силе общества, но важнейшую функцию продукт науч-

⁶⁴ См., напр.: Вудфорд М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 17–29.

⁶⁵ См.: Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. – М., 1999.

⁶⁶ См. об этом: Артёмова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования.

⁶⁷ В Германии, например, в период кризиса продажи "Капитала", в том числе на CD-дисках, увеличились втрое; книгу начали издавать в Турции, где она до недавнего времени была запрещена. И эти примеры далеко не единичны.

ной и образовательной деятельности выполнял здесь, трансформируясь в идеологическое оружие обоснования и защиты преимуществ социалистического строя в сравнении с капиталистическим, общественной собственности в сравнении с частной. Именно в эту область в ущерб остальным, в том числе практически-прикладным разработкам была направлена интеллектуальная мощь общества. Однако, указывает С.Булгаков, общественная собственность, о которой говорит социализм, видя в ней достойную стремлений цель и ценность, связывая с ней надежду на счастье и облагораживание человечества, на деле представляется таким же соблазном, как и собственность частная. "Пусть она будет свободна от тех злоупотреблений, какие связаны именно с частною собственностью, но, делаясь самодовлеющей нормой жизни, она представляет... такие же пути для духа, плен для души, как и частная собственность. Иначе говоря, плен души у богатства и у собственности, – одинаково, личной или общественной, равно предосудителен и опасен, и социализм в такой же мере требует аскетического регулирования жизни, как и частная собственность, ибо вне этого и он превращается в служение маммону"⁶⁸.

Таким образом, и общественный, и частный интерес в их завершенном ("чистом") виде являются одинаково неравновесными, крайними (предельными) основаниями, но отнюдь не устойчивой платформой для системы общественного благоустройства. Такими же крайностями предстают и методологически опирающиеся на них конструкции ортодоксального марксизма и неоклассического синтеза; жизнь выявила их идейную несостоятельность и практическую нецелесообразность; они ничего не могут позаимствовать сегодня друг у друга для оправдания собственной бездуховности, равно как ничего из опыта друг друга не могут позаимствовать и реальные хозяйственные системы традиционного социализма и капитализма. Даже собственная историческая память не является для них источником иммуногенеза. Действительно, попытка реализации в бывшем СССР стратегии социально-экономического ускорения на основе рекомендаций доктрины неоклассического синтеза обусловила явление социально-экономического коллапса и положила начало процессам рыночной трансформации инверсионного типа⁶⁹, но она не стала предостережением для некритического восприятия и реализации идей "новой" экономики ни на Западе, ни на постсоветском пространстве. Ведь концепция "новой" экономики является не продуктом частных научных разработок американских экономистов, но формой официальной державной доктрины⁷⁰, стратегической идеологемой, претендующей на глобальное общественное влияние по типу "нового курса" Ф.Рузвельта.

Уповая на всемогущество научного инструментария мейнстрима, указанная идеологема обнадёжила мировую интеллектуальную элиту тем, что "...возникновение экономики, основанной на знаниях, кардинально меняет законы хозяйственного развития. Отдельные страны и регионы, до недавних пор находившиеся на стадии преимущественно аграрного развития, могут буквально прыгнуть в экономику знаний, минуя стадию традиционной индустриализации... В современных условиях достижения индустриализации старого стиля теряют смысл как индикаторы экономи-

⁶⁸ История экономической мысли. – Т. 1. – Вып. 3. – М., 1916. – С. 44.

⁶⁹ См.: Гриценко А.А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа // Экономика Украины. – 1997. – № 1. – С. 4–10.

⁷⁰ См.: Васильев В.С. "Новая американская экономика": шаг вперед, три шага назад // США–Канада: ЭПК. – 2005. – № 9. – С. 3–4.

ческого прогресса"⁷¹. Однако привлекательность указанного тезиса для хозяйствующих субъектов различного уровня, желающих быстро поправить собственное благосостояние, на практике оборачивается ловушкой линейного времени⁷², аналогичной той, что возникает в результате стремительного развития неуправляемой ядерной реакции.

Главная истина, которую высветлил нынешний глобальный кризис, состоит в том, что *соревнование двух социально-экономических систем, двух идеологий, двух способов жизни, продолжавшееся в течение XX века, в конце концов завершилось, так и не выявив мирового идейного лидера*. В условиях формирования информационного общества теория неоклассического синтеза, равно как и доктрина ортодоксального марксизма, оказались неспособными обосновать общие закономерности социально-экономического развития ни для собственных стран, ни для глобального социума; указанные политико-экономические модели в пределе оказались разновидностями QWERTY-эффектов, своеобразными институциональными ловушками, запутавшими человечество в тёмных лабиринтах сетевой экономики и остро обозначившими проблему формирования отношений доверия на всех уровнях системы общественного хозяйства. В контексте сказанного требует сущностного переосмысления глобальный модернизационный проект, на который сегодня возлагается столько надежд. Оставаясь продуктом традиционного экономического знания, он задаёт алгоритмы переформатирования процессов капитализации в экономике, но не способен инициировать творческое овладение этими процессами, направить их в русло преобразования "природы сотворённой в природу творящую". В силу институциональной дисфункциональности этот проект не может служить достойным ответом человечества на глобальные вызовы, актуализированные в ходе финансово-экономического кризиса.

Означает ли это, что экономическая наука полностью исчерпала свой методологический потенциал? С одной стороны, традиционная экономическая теория в лице доктрины неоклассического синтеза и теории ортодоксального марксизма (а вместе с тем и традиционной институциональной экономики) заслуживает осуждения за то, что присвоила себе право формировать основное русло и говорить от имени экономической науки в целом, тогда как последняя не давала ни одной из указанных доктрин таких полномочий. *С другой стороны*, экономическая теория не сводится исключительно к названным доктринам, и её мощный эвристический потенциал только ожидает своего самоопознания посредством "возвращения в разум Истины" (по С.Булгакову). Внутренний суд совести самой экономической науки как субъекта логики Срединного пути является высшим судом для традиционной экономической теории и одновременно стезёй её возвращения в разум Истины.

⁷¹ Арыстанбекова А. Экономика, основанная на знаниях. – С. 30.

⁷² См.: Василенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 48; Могилевкин И. Фактор времени в политике России и других держав // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 11. – С. 5 и др.